Программа “Новые имена”

Мария Стародубцева

Волны бьются о скалы

Повесть

Мария Стародубцева
Волны бьются о скалы

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64240562
Волны бьются о скалы: «Союз писателей»; Новокузнецк; 2016
ISBN 978-5-00073-384-4

Аннотация

На далекий остров Шикотан, затерявшийся где-то у самых границ с Японией, приглашает своих читателей Мария Стародубцева на страницах книги "Волны бьются о скалы". В этом сумрачном месте, больше похожем на клетку, из которой не вырваться, редко сияет радостное солнышко, а вокруг об острые камни разбиваются пенные волны, набегающие неизвестно откуда. Именно тут живет семья, состоящая их трех человек: матери, отца и неизлечимо больной дочери, чье существование больше похоже на изощренную пытку, которой предстоит длиться из десятилетия в десятилетие. И нет ровным счетом никакой надежды. Нет возможности разрубить узел, связавший воедино три погубленные судьбы. Вот и выходит, что в мирное время жизнь превращается в бесконечную борьбу. Борьбу с самим собой и собственными демонами, с равнодушным, обезличенным обществом и удручающей нищетой, со страшной болезнью и полной безысходностью. Как вырваться из тенет кошмара без начала и конца? Где обрести хоть капельку надежды? В каких

неизведанных уголках души отыскать силы, чтобы двигаться дальше? И остались ли они еще в подлунном мире – те самые силы, которые так хочется найти, та надежда, свет которой уже едва ли мерцает призрачным огоньком за линией горизонта…

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Мария Стародубцева
Волны бьются о скалы

© Стародубцева М. А., 2016
© Издательство «Союз писателей», оформление, 2016

Глава 1

Стояли последние дни февраля, то странное время, когда без всяких видимых причин жизнь в одночасье теряет смысл, и то, за чем так гнался ещё вчера, становится ненужным. Люди ходят по улицам, как потерянные, машинально выполняя свою работу, машинально возвращаясь домой. Так продолжается неделю, иногда две. Потом наступает весна, и мир снова обретает краски.

На острове трудно спать спокойно по ночам. Привычным ритмом тут стал глухой, доносящийся отовсюду звук, к которому все давно привыкли и не замечают его. Его слышно особенно отчётливо ночью, когда все другие звуки в деревне стихают. Это грохот прибоя, шум волн, бьющихся в темноте о скалы, кольцом окружающий встающий из бездны моря остров.

Лика всегда просыпается рано. Спать на спине больно и неудобно, постоянно нужно быть начеку. Шевелиться тоже больно, да и койка, принесённая из чулана садовая раскладушка, скрипит и будит родителей за стенкой. Лика не хочет их тревожить и лишний раз привлекать к себе внимание. Она поворачивает голову, ищет глазами будильник. Будильник не звенит, он пузатый, круглый, бледно-зелёный с выпуклым стеклом, за которым стрелки застыли на половине пятого утра. Красная кнопка вверху корпуса вдавлена вовнутрь, бу-

дильник сломан. Она сама нечаянно сломала его, когда ей было пять. Теперь она просыпается всегда в половину пятого утра и ложится в это остановившееся время. Её такой расклад вполне устраивает.

Ухватившись рукой за неровный край столешницы, она привстала и оперлась на покрытую клеёнкой под дерево поверхность своего письменного стола, стоящего у изголовья её кровати. Стол стоял у самого окна, довольно большого деревянного окна, состоящего из трёх маленьких. Так его разделили белые, крашенные извёсткой, деревянные балки. Окно было двойным, стекло внутри и снаружи, а между ними – неширокий зазор, в котором уснули две мухи, оставшиеся ещё с осени. Одна лежала шестью лапками кверху, растопырив полупрозрачные сетчатые крылья. Раньше Лика хотела достать эту муху и выпустить в окно. Но открыть окно зимой нельзя, оно заткнуто полосами грязной ветоши. Лика любит смотреть на отца, когда он осенью затыкает окна. По полчаса стоит перед каждым из шести окон с мешком ветоши, рвёт её на полосы, потом затыкает тряпки в щели окон ножом, специальным тупым уже ножом с белой костяной ручкой. Её он к этому занятию не допускает, разрешает только смотреть.

За окном видно всё. Это парадокс северной ночи: в комнате всегда темнее, чем на улице. Ночью возле койки стены чёрные, а лампа на столе видна до мелочей на сером квадрате окна, занавешенного белым тюлем. За окном чуть дальше стоит невысокая, немного выше дома, берёза, а сразу за ней –

обрыв. И довольно крутая тропинка сбегает вниз. А дальше будут наваленные прямо на землю большие осколки скал и вода. Лика любит воображать себе, что там, за обрывом. Папа говорил, как выглядит море. Даже не море – Тихий океан. Папа любит море зимой. Он часто сажает Лику к себе на колени и описывает холодную, тёмную воду, уходящую за горизонт. Снег на берегу подходит к самой кромке воды, там он грязный, потому что по нему ежедневно топчутся сотни ног в ботинках и больших болотных сапогах. Снег бывает белым только один раз – когда он только выпал, рано утром, пока нет людей. У самой воды берег низкий, скалы идут чуть выше. Берег обледенелый и очень скользкий; поднимаясь из лодок, люди спотыкаются и едва не падают и с ненавистью оглядываются на берег, будто он виновник всех проблем на свете.

Вода в океане не замёрзает. Только иногда, в середине января, в самую стужу, бухта покрывается льдом до половины. Тонким коварным льдом, по которому нельзя ходить. А дети из школы ходят, кто постарше. На спор.

Дальше, на середине узкой бухты, – рейд. Там на якорях стоят большие рыболовные сейнера. Они заходят в Малокурильское раз в неделю – опорожнить груз в лодки, свезти на берег тонны свежей холодной сайры. У берега пришвартованы частные баркасы, низкие, ободранные жестянки, как пренебрежительно называет их папа. Баркасы зимой редко отваживаются выходить на большую воду, жмутся к берегу. Раз в

месяц к восточному причалу подходит траулер с Сахалина, подвозит продукты в местный магазин и одежду и лекарства в больницу. Траулер зимой ходит нерегулярно, выбивается из графика, опаздывает иногда дня на три. Его видно издалека, он новый и блестит от свежей краски. Лика сама никогда его не видела, но очень хочет.

Лика стоит, опираясь пальцами рук на стол, и смотрит в окно на быстро светлеющий пейзаж. Правда, берёза всё загораживает. Их участок с другой стороны, его видно из окна кухни. А из этого окна – только тропинка в школу. В пять утра за окном уже слышны голоса и гудки машин. Они живут на главной улице села – на Красногвардейской. Красногвардейская, 21. В принципе, это единственная улица, есть ещё два маленьких переулка, но они непостоянного пользования. Это значит, что они есть только летом в хорошую погоду. В дождь там слякоть, не пролезет в узкие проёмы даже велосипед, а зимой там снегу по горло. Папа однажды решил сократить путь на работу по переулку, в итоге опоздал на полчаса.

Улица начинается от больницы. Всё село стоит на скалах, на скальных обломках, сбегающих к морю. Давно, очень давно здесь был ледник. Он медленно сползал в океан с гор и тащил в себе эти камни, острые обломки и гладкие валуны. Сейчас ледника нет, есть только камни и голимый лёд под землёй – вечная мерзлота. Из-за неё в земле мало что растёт, лёд начинается сантиметрах в двадцати от поверхности.

А подо льдом – камень острова, его сердцевина, которую не пробьют ничьи корни, кроме елей и кустарника.

За больницей никто не живёт. Там уже горы, большие сопки. Остров Шикотан сам по себе маленький, сопок здесь немного, но и одной достаточно, чтобы угрожающе нависать над селом. Как большой, поросший еловым лесом, клюв с зубами-скалами. Дальше, наверно, тоже сопки, там ещё одно село – Крабозаводское. По прямой дороге до него 9 км, оно совсем маленькое. Мама там родилась, там жили Ликины бабушка с дедушкой. До землетрясения 2004 года. Лики тогда в помине не было, она не может помнить, как каменный град погреб под собой пол-Крабозаводского и накрыл их Малокурилку. Тогда же разнесло и школу, которая, как и больница, стояла на высоте. Из окон трёхэтажки повылетали все стёкла, кого-то из учеников завалило. Здание забросили, туда теперь никто не ходит. А школа внизу, у самой воды, в четырёх домиках бывшего детсада «Ромашка». Детсада в селе, как такового, нет.

По дороге почти перед окном мелькают люди. Лика не видит лиц, только спины. Худые и кряжистые, в одинаковых чёрно-серых куртках, и по грязному талому снегу шлёпают одинаковые ботинки на тонкой подошве. К ним привыкли, других сюда не завозят. Лика хочет забраться на стол с ногами, но боится, слишком больно. Сидеть долго она не может, а лечь в кровать обратно – не хочет. Она ждёт.

Больше всего на свете Лика любит восход солнца над ост-

ровом. Синие тучи вверху уже подёрнулись жёлтым цветом, теперь уже красным ещё немного. Туч нет, остались серо-синие перистые облака на бледном сероватом высоком небе. Небо у них очень высокое и холодное, сказывается близость большой воды. Иногда, когда мама разрешает открыть окно, Лика может ощущать на своих щеках ветер. Солёный холодный промозглый ветер, который так нравится её папе.

Солнце встаёт в пять минут шестого утра, довольно поздно, но это из-за вчерашних туч. Красный круг быстро поднимается из-под обрыва, из моря, которого не видно отсюда почти, встаёт за минуту, Лика точно знает, она засекала время таймером. Солнце поднимается над вкопанным над обрывом верстовым столбом. Папа рассказывал Лике про столб. Там несколько указателей. 1443 км до Хабаровска, 7895 км до Москвы. 9 км до края света. Это любимая байка Лики. Края Света с больших букв. Это мыс на другом конце Шикотана. Папа там часто бывает по работе, он говорит, что это большая-большая скала, врастающая прямо в море, высотой 40 метров. А внизу камни, об которые плещутся волны, и если зажмуриться, можно ощутить на лице брызги, настолько силён прибой. Особенно когда погода ветреная, то есть почти всегда. Остров открыт всем ветрам, но особенно Лика любит восточный ветер, самый коварный и холодный, при котором легче всего простудиться. Но именно при нём лучше всего идёт в невод сайра. Маленькая рыба, серебристо-серая, блестящая, узкая и жутко холодная – главное богатство острова.

От сайры здесь зависит всё.

Папа работает инженером на рыбокомбинате «Рыбный Остров». Из 1873 жителей 1786 человек заняты там, больше работать просто негде. Главное правило комбината – рыба. Комбинат стоит на другой стороне острова, занимает почти половину отведённого для людей пространства. Это большое красно-коричневое трёхэтажное здание с кучей блоков и цехов, уходящих к самой воде. У комбината свой причал и своя флотилия баркасов. Сейнеры комбинату не принадлежат, наши вынуждены зимой закупать рыбу у пришлых рыбаков, для баркасов зимние воды опасны. А рыба стоит дорого, поэтому зимой комбинат простаивает, и жизнь в селе замирает. А это плохо, зимой папе резко сокращают зарплату, и на столе очень редко появляется столь любимая Ликой рыбная запеканка. Очень дорого обходится, и это навсегда, говорит мама и уходит в свою комнату. Навсегда – это очень-очень надолго. На всю жизнь, Лика точно знает.

Мысли Лики возвращаются к сайре. Она голодна, она постоянно голодна, как и папа, и мама. Вон солнцу, скрывающемуся за синими утренними облаками, всё равно, оно не чувствует голода.

Рабочих всё больше. В сумерках Лика видит высокую фигуру отца с его вечной «студенческой» сумкой с ремнём через левое плечо. Всегда через левое. Папа собирается тихо-тихо, боится разбудить дочь, не зная, что она давно не спит. Боится разбудить маму, которой только к семи, вы-

скальзывает из дома и, крадучись, бежит по снегу в свой производственно-технический отдел в корпусе № 2 комбината. Лика волнуется за отца чисто по-хозяйски, как мама, ведь если мама ещё спит, значит, папа опять ничего не ел. А домой он приходит, когда Лика уже спит, чаще всего за полночь. Лика скучает по отцу, словно он в далёкой командировке, они живут в одном доме, а видятся в лучшем случае раз в неделю, по выходным. Выходной на Острове – воскресенье, в субботу все работают. Всё равно больше делать нечего.

С бухты доносится резкий гудок. Это «Верный», корабль береговой охраны. Неподалёку от комбината, в сопках, размещена военная застава пограничников. Они защищают нас от японцев, так говорит папа. Япония отсюда не видна, она на востоке, на другом краю моря. Океана. К ним иногда приезжают японские рыбаки, вечно с хмурыми неприветливыми лицами. А пограничники представляются Лике большими и сильными, как сторожевые овчарки на комбинате. У них несколько кораблей, три маленьких и один большой. «Ракета» – папа говорит, что это эсминец. Лика его видела один раз в окно, издалека. Но он закрыл собой полгоризонта, она тогда чуть не упала с кровати на пол, а это никак нельзя. Нельзя и всё тут.

Ещё гудок. Лика умеет в свои восемь с половиной лет различать корабли. Это «Алиста» – сейнер с Кунашира. Она была в ночном рейсе. Гудок протяжный и совсем близкий, значит, улов хороший. Сайру ловят только ночью, приманивают

бортовыми прожекторами, жёлтым электрическим светом. Косяк подходит к борту и попадает в ловушку. Рыбу ищут на глаз, иногда проходят десятки миль и возвращаются ни с чем. Косяк видно лучше, чем одиночек. Потом «Алиста» зажигает с одного борта ярко-красные огни, их иногда видно с берега, особенно летом, когда рыба подходит к мелководью. Рыба буквально «закипает» в электрической ловушке, остаётся только затянуть невод и поднять его на борт лебёдкой. И обрушить прямо на палубу, в трюм некогда, тонну осклизлой, сырой и скользкой рыбы. Лика не любит сырую рыбу, ей жалко смотреть на сотни трепещущих тел. Папа как-то водил её на причал, туда, где разгружаются комбинатские баркасы. Отец сам не ловит рыбу, его задача инспектировать производство, следить за машинами на комбинате и составлять отчёты по каждому баркасу в летнюю навигацию. Каждая рыбина попадает в отчёт, отца уволят, если он ошибётся, он так сам говорит.

В животе у Лики бурчит, она хочет есть. Маму жалко будить, она не любит, что Лика просыпается так рано. Мама всегда торопится в школу, она учит соседских детей математике и литературе. Говорит, учителей не хватает, и приходится преподавать столь разные предметы. Математику мама знает, а литературу терпеть не может, считает её скучной. Она часто просыпает, потом бегает по дому в поисках одежды. Готовит себе яичницу, а нужно ещё и Лику кормить.

За окном совсем рассвело. Пятнадцать минут шестого.

Лика слышит мамины шаги в кухне. Пол скрипит по всему дому, слышимость отличная. Ночью можно даже мышей услышать. Лика боится мышей, но кошки у них нет, Лике нельзя. А она так хочет себе маленького пушистого котёнка. И чтоб обязательно белого с розовым носиком и голубыми глазами.

Глава 2

Мама у Лики – Ксюша. Ксения Вадимовна Лебедева. Она не очень высокая, поэтому обожает каблуки. Папа из-за этого вечно её подкалывает, мол, на каблуках по камням ходят только ведьмы. Мама краснеет, сразу вся целиком, а папа смеётся. Он редко теперь смеётся и редко называет маму ведьмой. В последний раз летом, когда они запускали воздушного змея на обрыве за домом. Тогда было реально здорово, змей взлетел высоко, папа его еле удерживал, тонкая бечёвка разогрелась у него в пальцах и чуть не выскользнула. Мама стояла рядом, и ветер растрепал её волосы, длинные и пушистые, как мех у кроликов с фермы дяди Коли Щеглова. Это их сосед, до его дома полкилометра по лугу, ближе домов нет. Их не очень удобно строить на камнях и изорванном рельефе, говорит папа. Кстати, в тот раз он всё-таки упустил змея. Мама подошла к нему, они разговорились, смеялись, короче, змей улетел. Лика долго смотрела в небо, задрав голову, пока у неё не заболела шея. Потом они нарвали каких-то полевых цветов, лютиков, васильков, ковыля. Лика помнит, как красиво колышется мягкий пушистый белый ковыль, когда его треплет ветер. И мамины волосы как тот ковыль, такие же мягкие. Сама Лика цветы не рвала, папа не разрешил. Ей нельзя много тревожить руки, кисти не перебинтованы, но всё равно кожа ползёт с них слоями.

Как это – ползёт слоями? На острове есть змеи, динодоны, метровые, коричневые с чёрными пятнами. Раз папа принёс домой кожу динодона – лёгкий прозрачный футляр, почти невесомый, на котором слабо отпечатался рисунок настоящей новой шкуры. Слезшая кожа мягкая и немного липкая, она шелушится и мнётся, а когда засохнет, то легко ломается. Очень странно и противно держать в руках такой футляр от змеи. Вот и у Лики так же, как у того динодона. Интересно, когда змея сбрасывает кожу, она умирает? Наверно, нет. А она сама?

В комнату заглядывает мама и тревожно смотрит на дочь.

– Господи, Лика, опять встала ни свет ни заря. – У мамы немного усталый голос, она вчера сидела до половины третьего ночи, проверяла письменные работы учеников. Ох, как же Лика не любит это словосочетание – письменные работы. В такие минуты к маме лучше не подходить, её даже папа боится. – Слезь со стола.

Лика спрыгивает на пол. Мама вздрагивает.

– Ты с ума сошла! – Её голос окатывает Лику ушатом холодной воды. – Сколько раз я тебе говорила, нельзя так резко двигаться! Нельзя прыгать. Покажи ноги, живо!

Так, сейчас надо втянуть голову поглубже в плечи и зажмуриться, чтобы мама ещё больше не разозлилась. Нет, она никогда не бьёт Лику, пальцем не трогает. Только кричит, а вечером иногда плачет, уткнувшись в свои письменные работы. Лике жалко маму, она покорно садится на раскладуш-

ку, ёрзает на ней, стараясь издавать как можно меньше скрипа, осторожно вытягивает ноги. Мама внимательно смотрит, не появилась ли на бинтах опять кровь. Ноги у Лики от бёдер до пяток перемотаны бинтами, вонючими, не меняемыми по два-три дня, бинтами, под которыми все зудится и чешется, а расчёсывать нельзя. Лика раньше расчёсывала бинты, только потом ещё больней.

Мама придирчива, встала не с той ноги, не иначе.

– Лик, сейчас мне некогда, – говорит она, бегая по кухне и накладывая дочке овсяную кашу. Ужасная бурда, но она укрепляет клетки кожи. Так говорит дядя Коля, он геркулесом кормит своих кролов, и они у него здоровенные, толстые. Мама прислушивается к каждому слову дяди Коли, а папа его терпеть не может. А Лика боится. – Я приду к трём часам и сделаю тебе перевязку. Лежи в кровати, поняла? – Лика трясёт головой. – Можешь включить телевизор. – Мама привыкла командовать, в школе очень громко, приходится постоянно кричать, и мамин голос хриплый именно из-за этого. – Еда в холодильнике, я оставила немного каши в кастрюле. Всё, давай, пока.

Мама мельком смотрит на наручные часы, которые ей подарил папа на прошлое 8 Марта, набрасывает на себя тёмно-вишнёвый длинный плащ и вылетает за дверь. Шубы и пальто у мамы нет, только этот плащ, сколько Лика себя помнит.

– Пока, мам, – одними губами говорит Лика.

Овсянку есть неохота до ужаса. Лика с отвращением глотает безвкусную, застревающую на зубах массу. Потом идёт к раковине в туалете, моет посуду. На руках нет бинтов, посуду мыть лучше под холодной водой, горячая разъедает кожу за две минуты. Холодная вода как лёд, Лику начинает трясти крупная дрожь, но посуду надо домыть. Чистящего средства, как в рекламе, у них нет, есть скребок и губка, натёртая жёлтым хозяйственным мылом. Только им можно мыть саму Лику в бане, раз в месяц, не чаще. Поэтому у Лики короткие волосы, короткие и всегда сальные, и лезут нещадно. Мама говорит, что это авитаминоз. Мытьё в бане тоже болезненно, маленькой Лика плакала в голос, когда мама пыталась тереть грубой мочалкой лезущую язвами кожу, сдирая её живьём. Потом от мочалки отказались, когда выяснилось, что ребёнок плачет и дёргается не от простого дерматита, как им говорили в больнице. Хозяйственное мыло щиплет и пахнет застарелой щёлочью, но приходится терпеть.

Полотенцем вытирать руки тоже нельзя, надо ждать, пока сами высохнут. Вода попала на бинты, теперь они подгниют к приходу мамы, а она заметит и опять рассердится.

Лика идёт в зал, там у них телевизор. Серый, пыльный, толстый, приземистый. Экран у него чёрный и выпуклый, и тоже пыльный. На телевизоре стоит бамбуковое деревце, притащенное папой с улицы. В горшке оно зачахло, впрочем, и на улице бамбук невысокий, кустарник, чуть ли не по земле стелется. Весь кустарник и все деревья на острове свёрну-

ты в одну сторону, на восток, потому что туда дуют частые бури, туда дует восточный ветер. Все дома на земле, многоквартирных всего два, из-за частых землетрясений в них боятся жить. Окна в домах узкие, фундамент уходит глубоко в землю, крыши нависают над окнами.

Девочка включает телевизор и листает каналы. Листать – сильно сказано, каналов у них три. Первый, Россия и ещё НТВ, но он плохо показывает, нужна антенна. Лика лежит на диване, откинув одеяло, и не шевелится. Показывает Первый канал. Она не ходит в школу, мама учит её всему сама, когда у неё есть время, а так два раза в неделю к ней ходят учителя. Она их напрягает, но они всегда улыбаются, не хотят злить Ликину маму. Про неё говорят, что она «бешеная». Как бешеная собака. Раньше, когда Лика могла выходить на улицу и играть с другими детьми, она слышала, как маму обсуждали какие-то бабушки, а она шла мимо и мрачно смотрела на них. Лике жалко маму. И себя жалко. Лика очень хочет в школу, ей скучно каждый день лежать и смотреть «Модный приговор» по Первому, а потом ещё кучу скучных и нудных программ, в которых мало что понятно. Книжек в доме мало, они все папины, технические, полная муть. У мамы книжки красивые: пёстрые, с большими красными буквами на фоне российского флага. «ЕГЭ». Кроме этого ЕГЭ мама ничего не читает. Лика пробовала понять мамины книжки, но там только вопросы с вариантами ответов и математические формулы и уравнения. Мате-

матику Лика не любит, хотя и мама, и папа – математики. Детская книжка была – Рубиновая Книга Сказок, толстая, с картинками. Её отдали в комиссионку, сказали, что Лика выросла. Лика не плакала, нет, конечно, станет она плакать из-за книжки. Она уже большая, папа всегда так говорит. А так хочется, чтобы мама почитала сказку на ночь. У Лики в Рубиновой Книге была самая-самая любимая сказка. «Счастливый Принц», её ещё написал писатель из Англии с трудной фамилией Уайльд, вроде так, Лика не помнит. В сказке говорится о волшебной говорящей золотой статуе, стоявшей на площади большого города. Лика никогда не видела настоящий город, но, наверно, там очень много машин и людей, и надо быстро перебегать дорогу, иначе тебя собьют. Однажды в том городе наступила зима, а мимо этого принца пролетала последняя ласточка. Он увидел умирающего от холода бедняка и попросил ласточку содрать с него золотую пластинку, отдать нищему, чтобы тот обменял её на хлеб. Молодому художнику он отдал синий сапфир – свой глаз, а девушке – рубин из ножен своей шпаги. Что такое шпага? Папа сказал, что это шампур от шашлыка, только с ручкой. Шашлык Лике нельзя, они его ели один раз у родственников. Потом Лике пришлось вызывать «Скорую» и зря беспокоить родителей. Так, о чём я? Ах да, принц остался совсем один зимой, без золотой кожи и сапфировых глаз. Он сам позволил содрать с себя кожу, чтобы согреть голодных и оборванных людей. С ним осталась только ласточка, которая уже не могла уле-

теть на юг, она медленно замёрзла, укрывшись от щемящего ветра на деревянных руках немой и слепой статуи. На этом месте Лика всегда начинает плакать. Над собственной болью плакать не хочется, привыкла, а вот этого принца жалко до слёз. Счастливый Принц с начисто содранной кожей, думает Лика. Наверно, у него она тоже лезла и шла струпьями под бинтами, так, что он в конце концов не выдержал.

По телевизору опять «Модный приговор». Первый канал показывает лучше всех, поэтому его нельзя переключать, антенна собьётся. Лика лежит и смотрит, как по подиуму идёт красивая женщина, которую впервые переодели в новый сверкающий наряд. Она ещё не очень умеет ходить на каблуках, скользит по гладкому подиуму, смотрит на огромную студию испуганно, но это всё поправимо. У дверей её ждёт муж с охапкой цветов и болтает ногами на кресле для гостей весёлая девчушка, помладше Лики – дочь. Везёт же некоторым! Однако Лика не жалуется, она же у папы боец, он сам так говорит. А в телевизоре очень много врут, это очевидно. Семья не может быть такой идеальной, как там показывают. И всей крови и войны, о которой все кричат, просто нет. У них тут, на Краю Света, войны нет? Нет. Значит, и везде её нет, она просто сон. Это же ясно.

А вообще Лика очень хочет быть похожей на этого, на Счастливого Принца из сказки. Он такой добрый и терпеливый. И стойкий – сам дал выколоть себе глаза и содрать кожу. Наверно, он супергерой, не иначе. Она тоже так хочет. Не в

смысле кожи – у неё то же самое, в смысле характера. Лика хочет иметь железную волю, быть настоящим солдатом. Как папа, а он служил в армии. Он подводник, сержант в запасе. Он не рассказывает об армии, ему вечно некогда. Ну ладно, он же работает. Это она для них как обуза. Лика, может быть, ещё не совсем знает слово «обуза», но уже прекрасно понимает его смысл. Она слышала его от папы. Один единственный раз. И единственный раз тогда мама ударила папу по щеке наотмашь, он замахнулся и ударил её в ответ. Они думали, что дочь спит, и громко ругались в зале, а она подошла босиком к двери и слушала, и подглядывала в щёлку. Из тёмного коридора в светлый зал. И плакала. Папа услышал её плач, вышел, хотел взять её на руки, она вырвалась и убежала. Мама подошла к двери её комнаты, звала, но Лика не открыла. Это было не так давно. Вчера.

Лика знает, что она в семье – источник проблем. Знает, но не плачет и не жалуется. Старается только лишний раз не привлекать к себе внимания. Прячется в своей комнате, и до ночи читает свои учебники за 2 класс. Она ведь не дурочка, на самом деле она уже выучила каждый учебник, и учителя, приходящие на дом, ставят ей только четвёрки и пятёрки. Или она читает этот мамин ЕГЭ и расстраивается, что ничего в нём не понимает. Зато она понимает, что больна. Болезнь у Лики как из сказки. Как заклинание, которое не выговоришь с первого раза. Однако она его говорит без запинки. Буллёзный эпидермолиз.

Глава 3

Ксения Вадимовна, милая моя, да я что же, не человек, по-вашему? – Анна Сергеевна, завуч Малокурильской средней школы, строго смотрит на аккуратно сидящую на кончике стула учительницу. Лебедева бледная и озлобленная, и даже не пытается скрыть своё раздражение.

– Анна Сергеевна, – голос у неё противный, резкий, как металл по металлу. – Я просто не понимаю, в чём дело? – Она почти плачет. – Я работаю здесь четырнадцать лет, и за всё время не заслужила ни одного упрёка. У меня грамоты с благодарностями, подписанные вашей рукой.

Тут её прорывает, и она начинает натужно всхлипывать. Смотреть противно, завуч украдкой морщится, глядя, как Лебедева дрожащими руками вытаскивает из объёмистой чёрной сумки упаковку влажных салфеток, трясёт её, отрывает, рвёт упаковку, достаёт оттуда вчетверо сложенную салфетку и начинает бешено тереть глаза. На жалость давит. Да жалко её, конечно, но, скажите на милость, зачем было являться сюда и рыдать средь бела дня? Умереть можно со стыда.

– Ксения Вадимовна, перестаньте, – жёстко говорит Анна Сергеевна, ёрзая на стуле и нетерпеливо сжимая и разжимая сухие тонкие пальцы, – сюда могут войти в любой момент. Зайдите в отдел кадров, возьмите все документы.

Лебедева неожиданно вскидывает на Анну горящие злые тёмные глаза с размазанной тушью.

– За что? За что, я вас спрашиваю? – тонко кричит она, почти пищит, как крыса. Анна чувствует, как в ней закипает бешенство. Да кто она такая, эта истеричка?

– На тебя кто только не жаловался, – открытым текстом шипит завуч в ошеломлённое лицо Ксении. – Сколько можно! Ты уже весь коллектив достала своими истериками и нервами. На детей орёшь, объяснительные не пишешь, запугиваешь классы бесконечными самостоятельными. Родительские собрания не проводишь, сроки сдачи отчётов пропускаешь. Работы с детьми нет, открытых уроков нет. Отлыниваешь постоянно, один больничный за другим. Мне уже надоело ставить окна в расписании и детей отпускать, а заменить тебя некем, сама знаешь! И нагло пользуешься моей снисходительностью. Что мне твои грамоты? Хватит, Лебедева, надоело. Сама знаешь, в стране кризис, идёт повальное сокращение штатов. Скажи ещё спасибо, что хоть выходное пособие тебе даём. На дочку деньги будут, мелочь, а приятно.

От такого цинизма Ксения чуть не задохнулась.

– На дочку, говорите? На дочку, значит. Выходное пособие? – Она неожиданно засмеялась завучу в лицо, та с трудом удержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска. – Пособие на ребенка – 6500, выходное пособие – 4200. Инвалидность Лике не дают, – она принялась загибать пальцы, – итого 10700. А вы знаете, Анна Сергеевна, что нам в месяц одни

бинты да мази в 15000? Я ж вам в ноги упаду, только назад возьмите! Что ж вы за люди-то такие? – голосит, как деревенская баба, коей и является. А зачем Анне её проблемы? У самой двое детей, концы с концами тоже надо сводить. Денег нет в бюджете села на большой штат учителей, понимать должна. Дети останутся без математики и литературы, перейдут на дистанционное обучение. 170 человек, малокомплектная школа, в выпускном классе три калеки сидят. А тут ещё эта со своей инвалидкой.

– Уходите вы, Лебедева, – устало говорит завуч. – У меня урок, звонок через минуту.

Ксения вскочила со стула и, не простившись, выбежала в коридор. Даже в грохоте школьной перемены Анна услышала, как раздражённо стучат по деревянному полу её каблуки. Модница, тоже мне.

Ксения быстро шла по подтаявшему снегу, скользя на каблуках, чуть не падая, но удерживаясь. Не обращала внимания, что плачет, и тушь неровными потёками обрамляет глаза. В тонком плаще она вспотела, и ветер теперь сильно дул ей в спину. Ксения шла к магазину, сжимая в кармане кошелёк с несчастными 4200 рублями. Их надо теперь растянуть на месяц.

Магазин в селе один, утонувший в переплётах покосившихся серых заборов и ржавой рабицы. С громким названием супермаркета. Так назван потому, что здесь на один прилавок вывалены хлеб, мясо, рыба, тесто, гарпуны, бинты,

капли в нос и глаза, виагра, рыболовная сеть, крючки, пара книжек и стопка тетрадей, то, что именуют канцелярскими товарами. Пожалуй, это весь ассортимент. Траулер с Сахалина придёт только на будущей неделе, так что свежего мало. Ксения берет булку серого хлеба, молоко, восемь пачек бинтов. Продукты на острове в дефиците, хлеб стоит 54 рубля булка, молоко, у которого четвёртые сутки – 68 рублей. Бинты, главная цель Ксении – 40 рублей пачка. Итого 442 рубля улетело за раз. Ксения уже привыкла считать деньги, почти смирилась.

В Малокурильском без перемен. Вечное серенькое небо поздней зимы, вечный ветер в спину, скользкий лёд и снег под ногами, неровная дорога, на которой так легко запнуться, бродячие собаки на помойке, тёмная вода в полукилометре отсюда. Бухта не замёрзает, обледенели только пришвартованные у берега баркасы. И темнеет вдали громада комбината, всосавшего в себя все рабочие руки на острове. И домой идти не хочется. Там всё то же самое: сырой запах в комнатах, первые двухвостки в туалете под подмокшей половой тряпкой, затхлый запах жёлтого холодильника с заедающей дверцей, бормотание телевизора. Куча маленьких дел. Полить цветы, её любимые кактусы и фиалки, приготовить обед – щи из капусты. Капусты у них много, она уродилась в этом году, чулан ей завален, она гниёт и воняет на весь дом. Кажется, её будет всегда преследовать это видение: полутёмная прихожая и этот сладковато-гнилой запах капусты.

И большие, напуганные в ожидании резкого оклика глаза дочери. Такие же, как у неё самой. Ксения не может смотреть в глаза Лики, а та, завидев мать, ёжится, как от удара. Маленький запуганный мышонок. Ксения не любит думать обо всём этом, ей некогда пытаться вникнуть в свои отношения с дочерью. Лучше оставить всё, как есть, и так забот полно. Надо только не смотреть дочке в глаза, не отвечать на её вопросы. Не отвечать, почему на обед снова будут щи, а не её любимая рыбная запеканка. Потому что село, в котором свой рыбокомбинат, закупает рыбу на Сахалине втридорога, а свою продаёт почти бесплатно. Это называется взаимовыгодный обмен, выгоднее не бывает. Не отвечать, почему Лике нельзя иметь котёнка ни с голубыми, ни с какими глазами. Потому что болезнь обострится, пойдёт раздражение, и кожа полезет клочьями, как летом. Зимой немного легче, дочь сидит взаперти, без глотка свежего воздуха. Она такая худая и бледная, что же делать? Нужно сегодня поговорить с Олегом, пусть он возьмёт её в свой отдел. Или пусть устроит её в консервный цех или куда там ещё. Чёрт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.